

ПЕРЕВОД, ПАРАФРАЗ И МЕТР В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ КОНДАКАХ*

II

Критика, история и реконструкция текстов**

ROMAN NIKOLAEVIČ KRIVKO

*Séminaire des langues slaves de l'université George-Auguste, Göttingen
Institut de la langue russe V. Vinogradov de l'Académie des sciences de Russie, Moscou*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наблюдения над древнейшей славянской кондакарной поэзией позволяют усилить и уточнить наши знания о метрической адаптации византийской метрики в древней славянской литературе. Для этого были привлечены древнерусские, среднеболгарские и древнесербские рукописи, содержащие ранние редакции служебных Миней и Конда-

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Язык древних церковнославянских литеургических памятников», выполнявшегося в 2009–2010 гг. на Семинаре славянской филологии Университета им. Георга-Августа в Гётtingене при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта. За любезное приглашение в Гётtingен, за помощь, оказанную при работе в Германии, и за замечания, высказанные к данной и другим моим статьям и докладам, приношу искреннюю признательность проф. д-ру Вернеру Лефельду. Упомянутые в статье рукописи из собраний афонских монастырей Хиландарь и Зограф предварительно изучались среди других рукописей Афона в августе – сентябре 2008 г. во время летней стипендии, предоставленной Центром исследований славянского Средневековья – Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо (Колумбус, Огайо, США). За помощь в организации работы в США благодарю директора Хиландарской библиотеки д-ра Предрага Матейича и проф. д-ра Вильяма Федера. Рукописи Хиландаря и Зографа цитируются в данной статье по ксерокопиям с микрофильмов, предоставленным Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо (Колумбус, Огайо, США).

** Первую часть статьи и список литературы см. в предыдущем выпуске *Revue des études slaves* (t. LXXXII/2, p. 169-202).

карей, которые предшествовали появлению афонско-тырновской, или «иерусалимской»¹, редакции богослужебных книг. Для сопоставительного анализа двух версий кондакарной поэзии в южно- и восточнославянской гимнографии не использовались известные и хорошо изданные свидетели архаических редакций служебных Миней: Ильина книга² и Путятине Минея³. В Ильиной книге кондаки отсутствуют, что является одной из архаических особенностей этого источника⁴, а в Путятиной Минее кондаки хотя и представлены в виде одностroфных гимнов, однако эти кондаки не имеют параллелей ни в одном другом известном славянском источнике⁵ и, следовательно, не подлежат сопоставительному изучению в пределах известной древнеславянской традиции.

Автору этих строк удалось установить ещё два переводных текста, построенных по принципам изосиллабизма в согласии с византийскими оригиналами, и внести существенные уточнения в историю славянской версии кондака Рождеству Христову, изосиллабическая метрика в котором ранее была выявлена Ф. Келлером. Далее в статье предлагается сравнительный анализ южнославянских и древнерусских версий трёх кондаков, проимии которых воспроизводят изосиллабизм оригинала, и предлагается реконструкция их древнеболгарских архетипов: кондак Рождеству Христову (24 декабря), кондак Богоявлению (6 января) и кондак равноапостольной Елене (21 мая). Изосиллабизм сохраняется только во вступительных строфах — проимиях. Источниками предлагаемого исследования стали южнославянские служебные Минеи и древнерусские Кондакари и Минеи, которые содержат, как в случае с каноном Рождеству Христову, либо двукратные переводы одного греческого текста (кондак равноап. Елене), либо разные редакции перевода (кондаки Рождеству Христову и Богоявлению). Восточнославянские рукописи составляют типологически однородную группу источников, которые отражают студийско-алексиевскую

1. Т. е. отредактированных согласно Иерусалимскому богослужебному Уставу; редактирование и создание новых переводов в соответствии с этим Уставом имело место в начале четырнадцатого века у южных и затем у восточных славян; см.: Преводите 2004 (литература).

2. Праздничная Минея на первую (сентябрьскую) половину церковного года с дополнениями; РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 131, XI–XII вв.; издания: Крысько 2004; Верещагин 2006.

3. Служебная Минея на май, РНБ, Соф. 202, XI в.; изд.: Мурьянов 1998–2000; Щёголева 2001; Баранов, Марков 2003.

4. Кривко 2008: 74–77; отсутствие кондаков — архаическая особенность Миней и Триодей: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1894: 360; Суботин-Голубовић 1995: 444; Momina 2004: 220, 248–249.

5. Keller 1977: 218–220.

редакцию богослужебных книг, созданную на Руси в результате богослужебной реформы одиннадцатого века. К ним относятся древнерусские Кондакари и служебные Минеи (см. список сокращённых наименований источников в конце статьи). Южнославянские Минеи раннего периода не поддаются надёжной историко-типологической классификации в связи с многочисленными разновременными текстологическими пластами, представленными в рукописях XIII–XIV вв.⁶

КОНДАК РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ, 24 ДЕКАБРЯ

Славянский текст (проимий): *Хил608* 129 (основной список); разночтения по: *K IV* 50 (а₁ б₁ с), *MD IV* 12, *Ск* 148об.–149 (155об.–156), *Хл166* 54, *ДМ* 114–114об., *НБКМ895* 5об.

Дѣла́ дѣ́й прѣбѣгата́го ража́е́ть ... (же и?) врѣт...⁷ [не]⁸/прикосно-
венію и приноситъ · ѳн... съ пастири словосло/вѣть . вльски же съ
зѣбѣз'дою къ поуть шѣсткоу/ють . на / ради родисе ѿроуе младо а
прѣвѣчуній ѿ :·

Разночтения:

Дѣла́ дѣ́й: Ск = дѣваia дѣ́й = (Хл166 = ДМ = НБКМ 895 Дѣла):
К IV = MD IV Дѣва дѣньсь] прѣбѣгата́го: К IV = MD IV = Ск прѣ-
гата́го (Ск прѣбѣгата́го)] ... (же и?) врѣт... [не] /прикосно-
венію: Ск земля же врѣтъкъ неприкосновенію: Хл166 земля врѣтень / непри-
косновенію: НБКМ895 землѣ / же врѣтъпъ неприкосновенію: ДМ и
землѣ врѣтъпъ непрѣко/сновенно: К IV = MD IV и земля врѣтъпъ непри-
косновено<ψ>⁹] ѳн...: Ск = Хл166 аггли (Хл166 доб же) = ДМ =
НБКМ895 : К IV ангели] пастири: Хл166 пасты/ѹми] словосло/вѣть:
Хл166 = НБКМ895 славословѣть: К I а₁ с = Тд = Т97 словословестать:
К I б₁ славословествать: MD IV словосло/вѣсткать] къ поуть шѣсткоу-
ють = Хл166 = НБКМ895: К IV = Ск = ДМ = MD IV пѣтъшѣсткоу/ють]
а: alii nem] прѣвѣчуній: Хл166 прѣвѣчуны (бѣ : /)¹⁰]

6. См. обобщающую статью (Йовчева 2009) и указанную там же литературу.
7. Верхний край листа утрачен; рядом с краем тёмное пятно (от масла?).
8. Реконструируем утраченные буквы на основе древнерусского списка и греческого оригинала.
9. Во всех древнерусских источниках, кроме Тип. Уст. (К II б1), — неприкосновено (с вариантами ~ќнию, вкю, ~нно); см. MD IV 12; К II 50; Keller 1977: 34. Исконная субстантивированная форма дат.п., представленная в большинстве южнославянских рукописей, переосмыслена восточнославянскими переписчиками как наречие, обстоятельство действия к приносить,ср.: К II 51, Anm. 3.
10. Появление стяжённой формы обусловлено концом строки, которая на три знака превышает самую длинную строку на этой стороне листа.

Греческий текст (вступительная часть, критическое издание по 12-ти рукописям, перевод на французский язык, комментарий): GM II 48–50; автор — Роман Сладкопевец.

ἵχος γ'
 Ή παρθένος σήμερον τὸν ὑπερούσιον τίκτει,
 καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον τῷ ἀπροσίτῳ προσάγει·
 ἄγγελοι μετὰ ποιμένων δοξολογοῦσι,
 μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος ὀδοιποροῦσι·
 δι' ἡμᾶς γάρ ἐγεννήθη
 |: παιδίον νέον, ὁ πρὸ αἰώνων Θεός. :|

«Этот проимий — единственный, в котором число слогов в славянском переводе почти совпадает с греческим текстом:

греч. 15 – 15 – 13 – 13 – 8 – 12,
 слав. 14 – 16 – 13 – 13 – 8 – 12.

Возможно, первая строка первоначально имела 15 слогов, если субстантивированное прилагательное было представлено в нестяжённой форме [πρῆβογата(а)го. — R. K.]» (Keller 1977: 169). Это наблюдение сделано на материале древнерусской редакции кондака, которая начинается с важнейшего разночтения с южнославянскими списками, ранее не привлекавшимися к сравнительному исследованию этого текста: *Дѣка* vs. *Дѣкаia*¹¹. Наличие чтения *Дѣкаia* позволяет отказаться от гипотезы об исконном характере нестяжённой формы *πρῆβοгатааго, за счёт которой сохранялся бы изосиллабизм греческого оригинала.

Чтение *дѣка* является результатом редактирования первоначальной версии перевода. Этимологически обе формы, *дѣка* и *дѣкаia*, являются прилагательными от производящей основы **dojiti*¹². Лексема *дѣкаia* представляет собой исконное членное прилагательное, противопоставленное этимологически именной адъективной форме *дѣка*. Морфологически архаичная лексема *дѣкаia* известна в старославянских текстах «всего по двум употреблениям»¹³, тогда как слово «*дѣка* [...]» употребляется суммарно 46 раз [...] <A>нализ 46 контекстов ста-

11. Форма *дѣкаia* в составе рассматриваемого кондака опубликована Г. Поповым (1998: 14) при описании состава рождественской службы в Ск.

12. ЭССЯ 5: 18.

13. Цейтлин 1973: 106. Судя по SJS I 544, примеров употребления в рамках «канонических» старославянских рукописей лексемы *дѣкаia* действительно два (*Cloz* и *Supr*;ср. понятное удивление К. Майера в словоуказателе к *Supr* s. v. *дѣка*: «*дѣвъ* **а** παρθένος [...] °би! ds 4525» Meyer 1935: 71), однако текст, в котором использовано это слово, один. В обоих источниках, *Cloz* 14а 22 и *Supr* 452, 5, форма *дѣкаи* (τῇ παρθένῳ) употреблена по отношению к Богородице в Слове Епифания Кипрского «На погребение Христово».

рославянских памятников, в которых употребляется слово *дѣка*, показывает, что [...] оно употребляется всегда как существительное, преимущественно в роли подлежащего или различных дополнений, но редко в функции именной части сказуемого» (Цейтлин 1973: 106, 107). Кроме библейских контекстов (SJS I 544–545), лексема *дѣвага* отмечена один раз в Синайском патерике (Патерик Син., 115) (СлРЯ 11–17 вв. 4: 197¹⁴) и четырежды в значении ‘Дева (о Богородице)’ в древнеболгарских (конца девятого — начала десятого века) канонах Рождеству Христову (автор — Константин Преславский) и Богоявлению (анонимный канон): 1) *дѣвих сиѣ єѣ улѣкъ вѣкъ*¹⁵ (Рождественский канон Константина Преславского; Попов 1998: 24); 2) *рожѣво дѣвына* *кто видѣлъ* (очевидно, из *видѣ) *дрѣвле*; 3) *примѣси же сѧ на* (Бог) · *въ дѣвѣ* *ѹбо* / *вѣ-с-ѣмнѣ рожьса*; 4) *въ наложе поズиваж* · *въ дѣвѣ* *въпльтиса* (**въ нижне* *подъикаш* *въ дѣвѣки* *въпльтиса*) ‘Призывающий’¹⁶ в которую¹⁷ воплотился в Деве’) (Канон Богоявления; Попов 2005: 48, 52, 54). Ни один из известных примеров¹⁸ не фиксирует у формы *дѣвага* атрибутивных функций. Кажущееся исключение представляет поздний, процитированный по «Материалам» И. И. Срезневского и заимствованный самим И. И. Срезневским из Словаря А. Х. Востокова пример «Дщери, и сестры, и сродницы дѣвыя и вдовыя. Степ. кн. (B.)» (Срз. I 780;ср. СлРЯ 11–17 вв. 4: 197); ни лист, ни страница источника в словарях не указаны. Правильность расстановки запятых, за счёт которой форме *дѣвыя* навязывается атрибутивное значение, неоче-

14. Один из приведённых в Словаре примеров употребления лексемы *дѣвага* ошибочен, причём в качестве начальной формы приведён невозможный по фонетическим и морфологическим соображениям фантом: «В знач. сущ. *Дѣвоя*, ж. и м. *Бѣльцъ* нѣкто имѣ сна говѣниа и дѣвою, въздръжлива о вѣсѣхъ [...] Патерик Син., 338. XI–XII вв.» (СлРЯ 11–17 вв. 4: 197). *Дѣвою* здесь — архаическая лексикализованная форма творительного атрибутивного от *дѣва*, о чём также свидетельствует приведённая И. И. Срезневским и не попавшая в СлРЯ 11–17 вв. греческая параллель *εὐλαβῆ καὶ παρθένον* (Срз. I 780, с. в. *дѣка*; о форме *дѣвою* в этом значении см. также: Кузнецова, Иорданиди, Крысько 2006: 41, примеч. 4). Перевод процитированного в СлРЯ 11–17 вв. (4: 197) иллюстративного примера: «У некоего мирянина был сын, благочестивый и девственный». В цитате «Бореть ся съ члѣки дияволъ, не търпя таковыхъ, добронравии дѣвыя воздвиже на ню вихърь. Патерик Син., 115. XI–XII вв.» (СлРЯ 11–17 вв. 4: 197) иначе должны быть расставлены запятые. Таковыхъ — согласованное определение к прямому объекту (*не търпя*) *добронравии* (*дѣвыя*), должно быть: « [...] не търпя таковыхъ добронравии дѣвыя, воздвиже [...] (ἀρετᾶς τῆς παρθένου; не учтённый в СлРЯ 11–17 вв. греч. по: Срз. I 780)».

15. Вариант XII в. по древнерусскому источнику: *дѣвѣ сиѣ єїни улѣкъ вѣкъ* (Попов 1998: 24); ср.: *Дѣваги сиѣ єїни* / *улѣкъ вѣкъ* Хг/166 55.

16. Причастие в роли субъекта, называющее Христа.

17. Т. е. в вечную жизнь, как следует из контекста.

18. SJS I 544; СДРЯ III 148; СлРЯ 11–17 вв. 4: 197.

видна. Скорее всего, запятая должна отделять ряд однородных членов, в первый из которых входят наименования родственниц по степени прямого родства (*дщери [...] сродницы*), во второй — по отношению к состоянию в браке: «Дщери, и сестры, и сродницы, дѣвыя и вдовыя». При таком членении у лексем *дѣвыя* и *вдовыя* возможна уточняющая функция, из которой однако не следует функция атрибутивная. Форма *вдовыя*, вслед за *дѣвыя*, должна рассматриваться как субстантивированная; ср. перевод: «[...] сродницы, девы и вдовы».

Судя по семантике и синтаксическим функциям, уже в древнейшую письменную эпоху прилагательное *дѣвата* пережило субстантивацию и стало реликтовой лексикализованной формой, характерной для архаического книжного узуса. Её ранним и более удачливым конкурентом была форма *дѣва*, которая имела схожие семантические и синтаксические особенности: «Во всех случаях, когда можно указать греческий протограф (т. е. оригинал. — *P. K.*), слову *дѣва* соответствует греческое *παρθένος*, там, где имеется латинский (оригинал. — *P. K.*), — *virgo*» (Цейтлин 1973: 106). В некоторых ранних текстах отмечается семантическое распределение синонимов *дѣва* ‘дева, *virgo*; Богородица’ и *дѣвица* ‘отроковица, юная девушка, *puella*’. Более поздние тексты (судя по материалам Р. М. Цейтлина, преславской школы) характеризуются расширением семантики существительного *дѣвица*, которое стало употребляться во всех трёх значениях: ‘дева, *virgo*; Богородица; отроковица, юная девушка, *puella*’ (см. Цейтлин 1973: 106–110). Выбор существительного *дѣвица* в переводе проимия рождественского кондака привёл бы к тому, что существенная для данного контекста семантика определённости, выраженная в оригинале с помощью артикля *ї* и компенсированная в переводе за счёт реликтовой членной формы *дѣвата* (где *та* исконно выполняло дейктическую функцию), оказалась бы эксплицитно не выражена, хотя и понятна из широкого контекста. Наличие в южнославянской версии проимия чтения *дѣвата* позволяет соотносить появление древнейшей славянской редакции рождественского кондака с книжной традицией, по этому языковому признаку более древней, чем преславская.

Наряду с формальной точностью в передаче частеречных характеристик существительного *παρθένος* субстантивом *дѣва*, который по сравнению с *дѣвата* не имеет формально выраженных адъективных признаков, древнерусская версия рождественского проимия, казалось бы, теряет важную с содержательной и риторической точек зрения грамматическую определённость, понятную, однако, на уровне широкого контекста (слушателям рождественского гимна, конечно же, очевидно, о какой Деве здесь идёт речь). Однако разночтение *дѣвата*

— дѣка мотивировано в значительной степени не столько индивидуальным пониманием текста на уровне грамматической определенности, сколько более общими факторами, связанными с совершившимися в позднепраславянский период важнейшими изменениями в исторической морфологии имени прилагательного¹⁹. Разночтение дѣка-иа — дѣка (ή παρθένος) отражает не только разные лексические узусы, архаический и инновационный, но и разные этапы развития частеречных признаков прилагательного и его морфологического и синтаксического обослебения от существительного. В отличие от древнейшей эпохи, когда перевод существительно (ή) παρθένος допускал выбор между этимологически именной (дѣка) или членной (дѣка-иа) адъективными формами, в период появления поздней, древнерусской, редакции различие между словами дѣка-иа и дѣка осознавалось иначе. Для первого переводчика субстантивированное членное прилагательное дѣка-иа было удачным соответствием к ή παρθένος, в котором выполнявший дейктическую функцию член -иа компенсировал семантику определенности, выраженную в оригинале с помощью артикля ή. Напротив, именная, или неопределенная «краткая», форма дѣка была бы в данном контексте в известной степени отступлением от оригинала. Иначе выстраивались отношения между разночтениями дѣка-иа — дѣка в древнерусский период, когда эти формы относились к разным частям речи и морфологически более точной передачей греческого существительного ή παρθένος стало существительное дѣка, утратившее связи с исконной адъективной частеречной семантикой. Эта форма в древнерусскую эпоху оказалась противопоставлена более архаичному дѣка-иа не по признаку определенности — неопределенности, а по своим морфологическим характеристикам, что заставило редактора произвести соответствующую лексическую, с его точки зрения, замену архаичного субстантивированного *прилагательного дѣка-иа* на инновационное *существительное дѣка*.

Получив благодаря южнославянским источникам в точности соответствующее оригиналу количество слогов в первой строке древнейшей славянской версии, мы сталкиваемся с нарушением изосилла-

19. «Синтаксический комплекс, состоящий из качественного прилагательного и местоимения *јб, в котором местоимение выполняло роль, близкую к артиклию, теперь [в прадревнепраславянский период. — Р. К.] — на фоне новых семантических разрядов — утрачивает значение определенности [...]. К концу прадревнепраславянского периода прилагательное с местоимением слились в одно слово, образовав членное склонение. Прилагательные получили свои особые морфологические признаки — флексии, отличающие их от существительных [...]. В древнерусский период происходит окончательная кристаллизация прилагательного как части речи» (Кузнецова, Иорданиди, Крысько 2006: 454).

бизма во второй строке, где древнерусская версия на один слог превышает требуемое оригиналом количество. В разных рукописях эта строка выглядит так:

καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον τῷ ἀπρόσιτῳ προσάγει
Хил608 ... (же и?) врътъ... [не] /прикосновен^ьномоу приносить
Ск земля же врътъ//пь неприкосновен^ьленомоу приносить
Хл166 земля врътъ / неприкосновеномоу приносить
НБКМ895 землѣ / же врътъ пь неприкосновеномоу приносить
ДМ и землѣ врътъ пь непріко/сновенно приносить
К IV = MD IV и земля врътъ пь неприкосновено<γ>²⁰ приносить

В этой строке южнославянские рукописи содержат два лексических разнотечения с древнерусскими: 1) отсутствие союза и в *Хл166*, *НБКМ895* и *Ск* и 2) наличие в *Ск* и *НБКМ895* не имеющей греческой параллели частицы *же* в разделительном или противительном значении.

Союз и в соответствии с греч. *καὶ* надёжно читается в *ДМ*, которая в данном стихе содержит то же ошибочное чтение, что и большинство древнерусских рукописей: *непріко/сновенно*. Кроме того, в *ДМ* отсутствует частица *же*, что также сближает её скорее с «древнерусской» редакцией, в которой *же* отсутствует, а не с той, которая представлена в *Ск*, *Хл166* и *НБКМ895* (об отсутствии *же* во втором стихе в *Хл166* см. в следующем абзаце). *Хил608*, судя по читаемым на фотокопии фрагментам текста, содержит заведомо вторичное чтение — результат контаминации чтений *ДМ* и *Ск=НБКМ895*, которое можно восстановить так: **землѣ же и*. Из южнославянских источников наибольшего доверия для реконструкции древнеболгарского архетипа заслуживают поэтому показания *Ск*, *Хл166* и *НБКМ895*, в которых нет следов контаминации с древнерусской версией и которые содержат во втором колоне второго стиха соответствующую оригиналу форму дат.п. ед.ч. *неприкосновеномоу* *Хл166* (тѣ *ἀπρόσιτῳ*), которая, однако, осложнена аналогическими инновациями: общей особенностью является местоименное окончание *~омоу*, указывающее на исконный дат.п. в данной позиции, к индивидуальным признакам относятся эпентетическое *л* в *неприкосновен^ьленомоу* *Ск*, которое отражает аналогию со страдательными причастиями прошедшего времени глаголов четвёртого класса, и форма на *~енномоу* *НБКМ895*, указывающее на взаимодействие адъективных и причастных аффиксов. Древний морфонологический облик основы (*неприкосновен-*) сохраняется только в *Хл166*.

20. Конъектура по *Типографскому Уставу* (К II б1); см. К II 50; Keller 1977: 34 и примечание к критическому аппарату выше.

В отличие от греческого текста, в славянских *Ck*, *НБКМ895* и *Хл166* частица *же* в сопоставительной функции представлена не только в четвёртом стихе, но и во втором (*Ck*, *НБКМ895*) или же в третьем (*Хл166*). Несогласованность показаний и сточников и отсутствие греческой параллели позволяет усомниться в исконном характере частицы *же* в славянских версиях второго и третьего стихов и объяснить её появление «риторическим» осмыслением первых четырёх стихов славянским редактором. В византийском оригинале они построены по принципу синтаксического параллелизма, причём третий и четвёртый стихи закономерно разделены с помощью δέ, так как в них сопоставляются «земной» и «небесный» уровня бытия (ἄγγελοι *vs.* μάγοι, μετὰ ποιμένων *vs.* μετὰ ἀστέρος), и описывается их взаимное проникновение: ἄγγελοι μετὰ ποιμένων (δοξολογοῦσι) ‘ангелы с пастухами (славословят)’ — μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος (όδοιποροῦσι) ‘а волхвы со звездой (путешествуют)’. В отличие от третьего и четвёртого стихов, смысловые отношения между членами синтаксически параллельных конструкций в первых двух стихах выстроены иначе и не были поняты южнославянским редактором Романа Сладкопевца, чрезмерно увлёкшимся идеей противопоставления «верхня» и «низа» с помощью противительного *же*. Оксюморон в первом и втором стихах возникает не между стихами, а внутри колонов. Он создаётся благодаря сопоставлению несовместимых на уровне обыденных представлений о *девстве*, *рождении* и одновременном *пребывании* рождающегося *вне бытия* (ἡ παρθένος [...] τίκτει [...] τὸν ύπερούσιον ‘дева рождает находящегося вне бытия’), а также о сакральной *неприступности* не описываемого в пространственных категориях божества и одновременном *предоставлении* ему земной *пещеры* в качестве места обитания (ἡ γῆ τὸ σπήλαιον τῷ ἀπροσίτῳ προβάγει ‘букв. земля приносит неприступному пещеру’). Нарушение смысловых связей оригинала за счёт появления в славянском тексте не обусловленной византийским источником *же* во втором или даже в третьем стихах в *Ck*, *НБКМ895* и *Хл166* объяснимо как поздняя попытка установить формальное «риторическое» единство в первых двух стихах по аналогии со стихами третьим и четвёртым, где *же* действительно опирается на оригинал и отражает его смысловые связи. Риторически неудачное противопоставление или сопоставление, навязанное славянскому тексту за счёт не обусловленного оригиналом *же*, и неустойчивое положение этого *же* во втором или в четвёртом стихе *Ck*, *Хл166*, *НБКМ895* позволяет рассматривать *же* как позднюю вставку, вызванную, во-первых, недостаточным пониманием риторики и смысловых оттенков оригинала на уровне поэтического синтаксиса, во-вторых, неспособностью или невозможностью отредактировать более ранний перевод по греческому

тексту и добавить в начало второго стиха и в соответствии с греч. καί, как это сделано в древнерусской версии, в *ДМ* и в *Хл608*. На этом фоне особенно заметно отсутствие и (καί) в тех же источниках, которые содержат не соответствующее оригиналу же (*Ск*, *Хл166*, *НБКМ895*). Таким образом, учитывая, во-первых, немотивированное оригиналом наличие частицы же во втором или в четвёртом стихах в *Ск*, *Хл166*, *НБКМ895*, которое объясняется как творчески неудачная поздняя попытка редактирования перевода без привлечения византийского источника, во-вторых, отсутствие всякой параллели греческому καί во втором стихе в *Хл166*, и в -третьих, то, что наличие союза и, отсутствующего в *Хл166*, *Ск* и *НБКМ895*, нарушает изосиллабизм, как это видно по древнерусской версии и по *ДМ* и *Хл608*, необходимо признать наличие в древнеболгарском архетипе такого чтения, в котором союз и, соответствовавший греческому καί (равно как и не имеющее параллели же во втором и четвёртом стихах), отсутствовал. Собственно, это и засвидетельствовано рукописями *Ск*, *Хл166* и *НБКМ895*²¹.

Первичность именной формы дат.п. ед.ч. м.р. неприносименоу (тѣ атроситѣ), отмеченной лишь в *Типографском уставе* (К IV б₁), не вызывает сомнений: об этом свидетельствуют, во-первых, вариант неприносименоу → неприносимено (паронимическое смешение прилагательного и наречия, отразившееся почти во всех древнерусских списках и одном южнославянском, было бы менее вероятно при наличии нигде не засвидетельствованной членной формы *неприносименоу[и]моу), во-вторых, представленные в *Хл166*, *Ск* и *НБКМ895* местоименные формы ~номоу. Если в первоначальной версии перевода, ориентированной на изосиллабизм оригинала, действительно отсутствовал союз и, что позволяло сохранить метр за счёт незначительного изменения лексического состава византийского проимия и утраты незнаменательной лексемы, то появление этого союза связано с позднейшим редактированием раннего перевода по греческому тексту, в процессе которого уже не ставилась задача точного воспроизведения метрических особенностей оригинала, если они противоречили принципу пословного перевода. Это редактирование могло быть выполнено как в древнеболгарский период, так и на Руси в одиннадцатом веке: на первую возможность указывает сходство *ДМ* и восточнославянской редакции проимия, заметное в критическом аппарате и сказывающееся, в частности, в одной общей ошибке *ДМ* и

21. См. о продуктивности бессоюзной сочинительной связи в древнеславянском языке: Зализняк 2004: 190, в том числе переводных славянских текстов по сравнению с их греческими оригиналами: Максимович 2004: 39–40.

древнерусских свидетелей текста (паронимическая аттракция адъективной и наречной форм).

Соизложение первых двух строк проимия в южнославянских и древнерусских рукописях приводит к выводу, что нарушение изосиллабизма в древнерусских источниках текста является не дефектом перевода, а результатом позднейшего, позднедревнеболгарского или древнерусского, редактирования по греческому тексту более древней славянской версии, которая в двух местах отступала от частеречных особенностей оригинала (существительное παρθένος передано субстантивированным прилагательным δέκαια) и его лексического состава (отсутствие *и*). Благодаря этим отступлениям, однако, изосиллабизм византийского гимна воспроизводился в переводе абсолютно точно.

На наличие как минимум одной более ранней по сравнению с древнерусской версией перевода указывают также следующие два взаимосвязанные друг с другом разночтения.

Форма мн.ч. Зл. от глаголов *слово-* или *славословити*, засвидетельствованная во всех южнославянских списках, противопоставлена такой же форме от глаголов *слово-* или *славословествiti*, которая длиннее южнославянского разночтения на один слог: *Ск словосло/веть* = *Хл166 славословеть* vs. *К IV а₁с* = *Td* = *T97 словословестать* = *К IV б₁* *славословествать* = *MD IV славосло/в/ествать*. В этом случае мы, казалось бы, получаем нарушение изосиллабизма в третьей строке проимия, однако уже не в древнерусских, а почти во всех южнославянских источниках, кроме *Хл166*; в *Хл608*, *Ск*, *ДМ* и *НБКМ895* эта строка оказывается короче оригинала на один слог:

ἄγγελοι μετὰ ποιμένων δοξολογοῦσι 8 + 5

*Хл608 ἄν<*γλη> (Ск = Хл166 = ДМ = НБКМ895 αἴγλη, в Хл166 добавлено τε) εἰς παστηρι (Хл166 παστή/ρυμη) словосло/веть (Хл166 = НБКМ895 славословеть: К IV а₁с = Тд = Т97 словословестать: К IV б₁ словословествать: МД IV славосло/в/ествать)*

Хл608, Ск, ДМ, НБКМ895: 7 + 5, Хл166: 9 + 5, древнерусские источники: 8 + 5.

Разрешение этой проблемы подсказывает инновационная форма *Хл166 παστῆ/ρυμη* (vs. *пастери* во всех иных источниках), отражающая аналогическое воздействие со стороны парадигмы **u*-основы. Окончание -ми во флексиях тв.п. мн.ч существительных **o/*jo-* и консонантной основ, представленное в канонических старославянских памятниках единичными примерами, особенно характерно для древнеболгарской оригинальной и переводной гимнографии²², что позволяет

22. Пичхадзе 2008: 160, 2009: 303–304 (литература, примеры).

рассматривать форму *пастырьми* в качестве исконной для древнеболгарской версии рождественского кондака. Позднейшая замена инновационного *пастырьми* на более нейтральное и уже не текстологически, но морфологически более древнее и исконное *пастыри*²³, имевшая место, возможно, уже на древнеболгарской почве (о чём свидетельствуют показания *Ск* и *ДМ*), привела к сокращению строки на один слог по сравнению с древнейшим переводом. Нарушенный изосиллабизм помогла восстановить замена *слово-/славословити* на *слово-/славословестви* в древнерусской версии. Замена исконного *слово-/славословити* синонимом *слово-/славословестви* доказывает, что древнерусские редакторы были осведомлены об особенностях метрической организации византийской гимнографии и обладали достаточной квалификацией для того, чтобы соотносить принципы изосиллабизма и пословного морфологически точного перевода, жертвуя при необходимости первым в пользу второго.

Союз *а* в рефрене *Хил608* является индивидуальной особенностью этого списка и поэтому имеет значение не для реконструкции архетипа какой-либо версии, но для церковнославянской исторической лексикографии. Судя по контексту, этот союз употреблён здесь в эмфатически усиленном присоединительном значении ‘а также’ (ср. Пичхадзе 1999).

Сделанные наблюдения позволяют реконструировать архетип древнеболгарской версии проимия кондака Рождеству Христову:

*А́вкаа да́ньсь прѣкогатаго рождаи́тъ,
землиа врѣтынъ непрѣкъсновеноу приноситъ,
ангели съ пастырьми слов(а?)вословятъ,
вальеви же съ звѣздомъ поутъшествоујтъ,
ради насть во родисѧ
отроуял младо прѣкъсунти вогъ

Сопоставление с метрикой оригинала на уровне колонов доказывает, что переводчик регулярно сохранял изосиллабизм только на уровне «длинных строк». Напротив, в первой, второй и четвёртой строках соответствующее оригиналу количество слогов в колонах было утрачено (курсивом выделены совпадающие числа в славянском и греческом текстах, подчёркнуты метрически единообразные колоны славянского перевода):

23. «Несмотря на многочисленность примеров ТИ на *-ъми*, в подавляющем большинстве случаев все же использовались исконные формы на *ы/i* [...] Совокупность данных церковно-книжных, деловых и летописных текстов позволяет утверждать, что флексия *-ъми* оказалась менее активной, чем флексии других надежей **i*-основ, маркированных в отношении рода» (Иорданиди, Крысько 2000: 92).

др.-болг.: $6 + 9 = 15$; $5 + 10 = 15$; $8 + 5 = 13$; $7 + 6 = 13$; 8 ; $5 + 7 = 12$;
 греч.: $\underline{7} + \underline{8} = 15$; $\underline{7} + \underline{8} = 15$; $\underline{8} + \underline{5} = 13$; $\underline{8} + \underline{5} = 13$; 8 ; $5 + 7 = 12$.

КОНДАК БОГОЯВЛЕНИЮ, 7 ЯНВАРЯ

Славянский текст (проимий): Ск 221об. (228об.) (основной список);
 разночтения: Хл166 78об., ДМ 138об.–139, НБКМ895, К IV 82–84.

Иависѧ дн̄ъ въселенѣй свѣтъ Твои г҃и . ȝнаменасѧ налиь въ разѹмѣ
 пожишиъ тѧ . приде во ѹ просвѣтѣся прѣѣтъїй свѣтъ твой г҃и :

Разночтения:

в К IV текст предваряется указанием на глас и музыкальную модель: гла .д. самоглан :)] Иависѧ: Хл166 = НБКМ895 [просвѣтѣся] въселенѣй/и: К IV доб <и>; «от. omnes, corr RT»] г҃и: К IV с господъ] налиь: Хл166 = ДМ = НБКМ895 = К IV на нась] пожишиъ: К IV с ~шиниаъ: К IV би ~шиниаъ] приде: Хл166 прїидѣ] во: К IV нет] просвѣтѣся: ДМ = НБКМ895 = К IV іависѧ] твои: ДМ неприкосно-
 кенный] прѣѣтъїй свѣтъ твой г҃и: К IV свѣтъїй неприкосновенныи]

Греческий текст (вступительная часть, критическое издание по 14-ти рукописям, перевод на французский язык, комментарий): GM II 229–259; автор — Роман Сладкопевец.

GM II 236 (в славянском переводе пропущены второй проимий и второй икос):

Ἐπεφάνης σήμερον τῇ οἰκουμένῃ,
 καὶ τὸ φῶς σου, Κύριε, ἐσημειώθη ἐφ' ἡμᾶς
 ἐν ἐπιγνώσει ὑμνοῦντάς σε.
 «Ἡλθες, ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.»

Самое существенное отличие всех славянских версий от оригинала — переосмысление синтаксических связей в первых двух стихах, вызванное представленной во всех использованных источниках и, следовательно, ранней гаплографией *въселенѣй/-и* (\leftarrow **въселенѣи*). Гаплография вызвала дальнейшее переосмысление омонимичной аористной формы второго лица *іависѧ* (*ἐπεφάνης* aor. ind. pers2 sg. ‘*Ты, т. е. Господь,* явился’) как однородного сказуемого в форме третьего лица при подлежащем *свѣтъ* (*свѣтъ*) в одном ряду со *ȝнаменасѧ* (*ἐσημειώθη* aor. pers3 sg.). Первоначальное значение формы *іависѧ* — сказуемое при формально не выраженном подлежащем «*Ты*» (т. е. Господь)²⁴.

24. Эта общая для всех версий ошибка исправлена в издании древнерусского Кондакаря с помощью конъектуры (см. критический аппарат).

Имеющиеся разнотечения между южнославянскими и древнерусскими списками позволяют увидеть, что архаическая древнеболгарская версия этого проимия передавала изосиллабизм оригинала, утраченный, возможно, уже на болгарской почве, то есть до возникновения древнерусской версии. Индивидуальное чтение, которое позволяет получить соответствующее греческому тексту количество слогов в первом стихе, содержится в рукописи *Хл166*: *просвѣтъся*. Благодаря этой форме в первом стихе сохраняется соответствующее оригиналу членение на колоны: **Просвѣтъся дыньсь | къселенъки*.

Видимые проблемы возникают при реконструкции рефrena *приде* *ио* *просвѣтъся*/*предъ* *твой* *свѣтъ твой* *г҃и* : (*ῆλθες, ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον*), который представлен в этой форме в *Ск* и *Хл166*. В отличие от древнерусской версии, которая буквально воспроизводит лексический состав и порядок слов оригинала, текст *Ск* и *Хл166* содержит несколько слов, греческих соответствий которым нет: *ио*, *и*, *твой*, *г҃и*. Вставка *бо* возникла как результат непонимания или переосмысления логических и грамматических связей архетипа: согласно версии *Ск* и *Хл166*, рефрен представляет собой не прямую речь, которая вводится глагольной формой *пожилимъ* (что?), а придаточным причины, изъясняющим либо причастие *пожилииъ* (почему?), либо, что почти бесмысленно, всю предыдущую фразу: «Явился сегодня вселенной свет Твой, Господи, ознаменовался нам, в разуме воспевающих Тебя, ибо пришёл и просветился пречистый свет Твой, Господи». (Свет, явился вселенной и воссиял на нас, воспевающих тебя, потому что свет пришёл и просветился?!). Финал рефrena *свѣтъ твой г҃и*, не соответствующий оригиналу, является точным воспроизведением фрагмента второго стиха (*свѣтъ*) *Твой г҃и*. Н еясно, что стало причиной вмешательства в предполагаемый архетип рефrena древнейшей версии. Возможно, вставка (*свѣтъ*) *Твой г҃и* была призвана внести грамматическую определённость в рефрен, в котором формы *приде* и *просвѣтъся* могут быть истолкованы и как второе, и как третье лицо. Не имея перед собой греческого оригинала или не зная греческого языка, редактор сделал неверный выбор в пользу третьего лица, вопреки аористу второго лица «*ῆλθες, ἐφάνης*». Осложнённое метафорой риторическое обращение славянский редактор не распознал: «*Ὕλθες, ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον*», «*Tu es venu, tu es apparu, lumière inaccessible*» (GM II 237), «Ты пришёл, Ты явился — Свет неприступный».

Учитывая вызванные непониманием древнейшего перевода позднейшие вставки, в соответствии с имеющими греческие параллели чтениями *Ск* и *Хл166* архетип этого древнейшего перевода должен выглядеть так: **приде, просвѣтъся свѣтъ прѣчистъи*. В этой

версии форма *πρήτυτής* является вольной передачей греческого ἀπρόσιτον ‘неприступный’. Такой перевод объясняется соображениями метра, поскольку соответствующая оригиналу форма, представленная в древнерусской версии (*неприкосновенныи*) и в версии *ДМ* (в сочетающей адъективные и причастные форманты инновационной форме *неприкосновенныи*), оказывается слишком «длинной» для данной строки.

Рукопись *Ск* содержит индивидуальное чтение дат. мн.ч. *на́мъ* (ἐφ' ἡμῖς ‘на нас’), которое является относительно ранним, древнеболгарским, вмешательством в архетип древнейшей версии славянского текста. О древности этого вмешательства можно судить по древнерусской форме *поючишиль* (К IV с), согласованной с имевшейся в одном из источников древнерусской версии, но отсутствующей в ней формой **на́мъ*, засвидетельствованной в *Ск*. Наименьшую ценность для реконструкции архетипа славянского перевода имеет в данном случае *ДМ*, которая отражает контаминацию древнерусской версии и чтений *Ск* и *Хл166*: *приде во* (ко = *Ск* = *Хл166*) и *такися* (тавися = К II) *прѣт...и*²⁵ (**прѣтъи* = *Ск* = *Хл166*) *сѣк* / *неприкосновенныи* (*неприкосновенныи* = К II); самым ярким примером контаминации является употребление в версии *ДМ* обеих лексем, *прѣт...и* (**прѣтъи*) (*Ск*, *Хл166*) и *неприкосновенныи* (К II), каждая из которых отражает разный перевод одного греческого ἀπρόσιτος ‘неприступный’, соответственно, в версиях *Ск* = *Хл166* и К II.

Предлагаем реконструкцию архетипа первой древнеболгарской версии перевода проимиа, в которой изосиллабизм оригинала сохраняется как на уровне длинных строк, так и, за единственным исключением, на уровне колонов.

*[Ты] просвѣтъсѧ дѣньсѧ въселенїи, (слав. 7+5, греч. 7+5)
и скѣтъ Твои, Господи, ѣзменасѧ на насть, (слав. 7+5, греч. 7+5)
въ разоумѣ поижищъ Тѧ: (слав. 9, греч. 9)
«[Ты] приде, [Ты] просвѣтъсѧ — Скѣтъ прѣчистыи». (6+6, греч. 5+7)

КОНДАК РАВНОАП. ЕЛЕНЕ, 21 МАЯ

Южнославянская версия: *ДМ* 54, л. 176об. (основной текст); разночтения: *П72*, л. 193об.

ко · гла · ѣ · по · дѣа днѣ ·
Елено же лажши и ювижши сжаго · прѣславнааго крѣта ѣзмененіе всѧ

25. Буква *ы затёрта либо осипалась.

и юдехъ събиражши . єдинъ зво иода сего принесе . / на ко ради таися
значение велико . вѣнуааго ха :~ /

Разночтения:

прѣславнааго; прѣславнаго] вѣнуааго; прѣвѣнуаго

Древнерусская версия: К IV 46:

ко гла . г . дѣва днѣ.

Елена любътию итынѣ христово дрѣво тавлѧти и то славъно крестъно
значение всѧ и юдѣа съ къравъши; єдинъ ко Иуда се приноситъ настъ
во ради таися значение велие прѣвѣнуиъ вогъ.

Разночтения по Соф203, л. 99:

крестьно: крестьна] иудѣа: и юдѣа] иуда: и юда] велие прѣвѣнуиъ
вогъ: велико и страшное]

Греческий текст (критическое издание по трём рукописям: Gassisi 1913: 15):

ῆχος γ', πρὸς Ἡ παρθένος σήμερον.

Ἡ Ἐλένη πόθῳ νῦν	Χριστοῦ τὸ ξύλον ἐμφαίνει·
καὶ αὐτὸ τὸ ἔνδοξον	τὸ τοῦ σταυροῦ νῦν σημεῖον·
ἀπαντας τοὺς Ἰουδαίους	συναγαγοῦσα·
μόνος γὰρ ὁ Ἰούδας	τοῦτο προσάγει·
δι' ἡμᾶς γὰρ ἀνεδείχθη·	
]: σημεῖον μέγα τοῦ πρὸ αἰώνων Θεοῦ. :	

Проимий написан согласно метрической модели («на подобен») первой строфы кондака Рождеству Христову. Это означает, что вступительные строфы обоих кондаков должны иметь одинаковую метрическую структуру, которая приведена выше в связи с анализом рождественского гимна. В греческом тексте проимия кондака св. Елене первый колон стиха μόνος γὰρ ὁ Ἰούδας (τοῦτο προσάγει) короче метрической модели на один слог²⁶, что обычно для проимииев, построенных по модели ἡ παρθένος σήμερον²⁷. Первый колон в четвёртом стихе также может быть короче метрической модели на один слог в проимиях на подобен *Дѣва днесъ* (GM II 46, п. 3), что не находит отражения в рассматриваемом греческом проимии кондака равноап. Елене. Однако, как мы увидим далее, это имеет значение для реконструкции архетипа древнейшего славянского перевода.

26. Эта особенность отмечена издателем: Gassisi 1913: 15.

27. «Ces deux kôla débutent presque toujours par un mot de 3 syllabes, ou par un groupe trisyllabe formé avec un enclitique ou une particule ; ils riment souvent ensemble. Le second pied est parfois abrégé d'une syllabe avant l'accent» (GM II 46, п. 3).

Перевод греческого текста проимия на современный русский язык:

Елена в любви ко Христу являет ныне [крестное] Древо и то самое славное знамение на Кресте²⁸, собирая всех иудеев, ибо единственный Иуда²⁹ его приносит, поскольку нас ради явилось зnamение великое превечного Бога.

При всех разительных отличиях среднеболгарской версии от оригинала в первых четырёх колонах примечательно, что именно она содержит соответствующую греческому тексту форму род.п. в рефрене: *вѣчнаѧ го ḥа*. Чтение *ḥa*, а не *Бога, как ожидалось бы в соответствии с основным текстом (той *πρὸ αἰώνων Θεοῦ*), восходит к варианту *Христоū*, который засвидетельствован в одном из источников (cod. Barb. gr. 450; см.: Gassisi 1913: 15). Следовательно, в основе среднеболгарской версии лежит иной греческий оригинал, чем тот, с которого был сделан перевод, сохранившийся в древнерусской традиции. Древнерусское чтение *коғъ* восходит к варианту *Θεοῦ gen.sg.*, однако отличается от него по форме им.п. Грамматическая форма им.п. лексемы *коғъ* соответствует рефрену другого гимна — рождественского кондака Романа Сладкопевца *Дѣка дѣньскъ: О πρὸ αἰώνου Θεός* ‘иже прежде вѣкъ Богъ’, или ‘превечный Бог’. Рождественский кондак Романа является ритмической моделью кондака равноап. Елене, что стало причиной взаимодействия их рефренов³⁰.

Проимий в среднеболгарской версии представляет собой отдалённо напоминающую оригинал развёрнутую апеллятивную или инвокативную конструкцию с неясной коммуникативной целью и слабыми синтаксическими связями. Возможен такой её перевод: «О Елена, желающая сущего преславного Креста знамение и ревнующая [к кому/чему? — у причастия отсутствует объект], собирающая всех иудеев, ибо один Иуда его принес, поскольку ради нас явилось знамение великое вечного Христа!» В этой фразе форма *сѫщаго* входит в состав распространённого несогласованного определения *сѫщаго κρῆτα*

28. Имеется в виду табличка с аббревиатурой «Иисус Назарянин, Царь иудейский», найденная вместе с Крестом; см., напр.: Salaminius Hermias Sozomenus, *Historia ecclesiastica* (lib. II, cap. 1/6; цит. по TLG). См. также литературу далее в примеч. 29.

29. Согласно второй версии предания о Воздвижении Креста, возникшей в конце IV — начале V в., имеется в виду раввин Иуда, «единственный» («μόνος») из членов Синедриона, указавший Елене место нахождения Креста (под храмом Венеры, который был разрушен по распоряжению Елены) и впоследствии принявший крещение с именем Кириак. См. об истории Воздвижения Креста и связанных с ней преданиями: Nestlé 1895; Straubinger 1912; Пигулевская 1976; Heid 1989; Borgehammar 1991; Drijvers 1992; van Tongeren 2000.

30. См. К IV 47, Апп. 5: «слав. в соответствии с рефреном [метрически] образцовой строфы».

(*значение*). Определяемое слово *значение* обозначает, очевидно, сам Животворящий Крест, а не табличку, σημεῖον, с аббревиатурой «INRI» ‘Иисус Назарянин, Царь иудейский’. Согласно законам жанра, вслед за таким обращением в гимне ожидается похвала, благодарность или молитвенное прошение, однако ни то, ни другое, ни третье в тексте не представлено. Помимо коммуникативной неясности, среднеболгарская версия отличается от оригинала и пословно воспроизводящей греческий текст древнерусской версии формой зв.п. **Елено** (ср. др.-р. **Елена**, ἡ Έλένη). Это обращение, собственно, и определяет инвокативный или апеллятивный характер фразы, который усиливается отсутствием сказуемого (ср. др.-р. **являютъ**, ἐμφαίνει). По сравнению с неясной коммуникативной задачей среднеболгарского текста, pragматика греческого оригинала и его древнерусской версии ясна и традиционна: цель вступительной строфы кондака — риторическая актуализация воспоминаемого события церковной истории («сегодня происходит то, чему посвящён праздник»), которая достигается в том числе с помощью наречия *ны* (ἴηται) и формы *praesens historicum* *ἐμφαίνει* (**являютъ**). Если отсутствие обстоятельства времени *ныне* в южнославянской версии не оказывает существенного влияния на смысл и синтаксис фразы, то отсутствие предиката ***являютъ** вызывает крах её грамматической структуры и приводит к искажению коммуникативных целей.

Полагаем, что именно утрата изначально имевшегося в архетеце среднеболгарской версии личного предиката вызвала замену подлежащего ***Елена** (ἡ Έλένη) на зват.п. **Елено**. Утрата сказуемого и замена им.п. ***Елена** на зв.п. **Елено** привела к дальнейшему изменению синтаксических функций причастий ***желикичи**, ***ръккоутичи**, которые в среднеболгарской версии выполняют атрибутивную (согласованные определения к **Елено**), а не предикативную функцию. Описанные изменения засвидетельствованы как минимум двумя источниками. Это значит, что перед нами не индивидуальная порча, а редакция текста, возникшая в результате искажения древнего текста и его целенаправленного переосмыслиения без опоры на оригинал.

Если форма **Елено** действительно восходит к первоначальному ***Елена**, соответствующему, как в древнерусской версии, греческому подлежащему ἡ Έλένη, а сказуемое ***являютъ** действительно имелось в архетеце среднеболгарской версии в соответствии с *ἐμφαίνει*, то мы получим первоначальный текст первых двух строк, которые на первый взгляд существенно отличаются от оригинала лексическим составом, однако на уровне метрики соответствуют его первым двум строкам и сохраняют синтаксические функции своих греческих параллелей. Метрическое соответствие касается не только количества

слогов в стихах, но и расположения цезуры (или «внутренней паузы», *Binnenschluß*); иными словами, деление стихов на колоны также соответствует оригиналу:

* <i>Слена, желѣжци и рѣквиноѹжи сѫщаго,</i>	16 (7+9)
<i>прѣслављаго кръста знаменіе тавлаиетъ</i>	15 (7+8).

Во втором колоне первого стиха количество слогов превышает оригинал на один. Отступление от модели вызвано либо союзом и, который мог отсутствовать в оригинале, учитывая большую по сравнению с греческим языком продуктивность бессоюзной связи в древнеславянских текстах разных жанров, либо формой *сѫщаго*, появление которой немотивировано. С точки зрения метра было бы проще буквально воспроизвести оригинал, чем парофразировать его: *Хрѣста* — Христоū, поскольку такой подход позволил бы сохранить нужное количество слогов. Однако, при всех отличиях формы *сѫщаго* от её греческой параллели Христоū, перевод сохраняет синтаксические функции оригинала. Согласно реконструкции, субстантивированное причастие *сѫщаго* в форме род.п. (в соответствии с управлением глаголов *желѣти*, *рѣквиновати*) — объект к неличным полуопределителям *желѣжци* и *рѣквиноѹжи*. Лексическая параллель к причастию *сѫщаго*, Христоū ‘Христа’, — родительный объектный к *πόθῳ* ‘любовью, в любви’. (Заметим, что в древнерусской версии род.п. ед.ч. Христоū был осмыслен как несогласованное определение к тō *ξύλον*,ср. *христово дрѣко*.)

Существительное тō *ξύλον* ‘древо’ осталось в древнейшей славянской версии без перевода, что позволило устраниТЬ межтекстовые связи, которые имеются в оригинале и в древнерусском переводе: *Слена [...] христоко дрѣко тавлаиетъ и то славыноє к рѣстъноє знаменіе*. Неочевидно, что древнерусская аудитория была способна распознать, что *христово дрѣко* и *славыноє крѣстъноє знаменіе* представляют собой разные реалии, первая из которых — это Животворящий Крест, а вторая — табличка с аббревиатурой «Иисус Назарянин, Царь иудейский». Узкий контекст подсказывает более простое прочтение: *крѣстъноє знаменіе* в древнерусском кондаке — это и есть Животворящий Крест, являющийся символом, или *знамением*; этот Крест, как следует из рефrena, прообразует *превечного Бога*: *σημεῖον μέγα τοῦ πρὸ αἰώνων Θεοῦ*. В этом случае выражение *христово дрѣко (тавлаиетъ)* и *то славыноє крѣстъноє знаменіе* должно было восприниматься как плеоназм. Любые рассуждения об этом будут неизбежно спекулятивными, чего, вероятно, и добивался переводчик: его задачей было создать такой пословно точный перевод, который был бы свободен от любых творческих вмешательств с его стороны и тем самым избавлен от возможных упрёков в неверной интерпретации сакрального оригинала.

Архетип южнославянской версии не даёт почвы для поиска адекватных историко-агиографических аллюзий. Из-за отсутствия славянской параллели к форме τὸ ξύλον ‘древо’ славянская фраза приобретает по сравнению с оригиналом и с древнерусским переводом большую простоту и определённость: прѣславнаѧго кр̄та ȝнаменіе — это, без сомнения, только сам Крест, а не прибитая к нему табличка с буквами «INRI». Переводчик, решившийся на такие изменения, несомненно, был знаком с историческими подробностями обретения Животворящего Креста и хорошо представлял себе запросы славянской публики, которая не всегда была одинаково хорошо подготовлена для распознавания интертекстуальных связей византийской гимнографии.

Перевод проимия имеет примечательную лексико-синтаксическую особенность: одно греческое существительное πόθῳ переведено двумя славянскими причастиями *желающи* и *ръвъноющи*. Явление двойного перевода в славянской письменности хорошо изучено (Keipert 1989; Чернышева 1994). Особенность нашего примера состоит в том, что для двойного перевода использована часть речи, отличающаяся от оригинала. Наш случай представляет собой уникальное совмещение двойного перевода с морфологически свободной передачей греческого существительного славянскими причастиями. Общим в греческой именной и славянских неличных глагольных формах является их синтаксическая функция: сущ. дат.п. ед.ч. πόθῳ и славянский причастный оборот представляют собой обстоятельства причины или образа действия.

В остальных стихах славянского перевода столь существенных отступлений от буквы оригинала нет, тем не менее количество слогов лишь в одном колоне не совпадает с приведённой выше метрической схемой. Стих *въсѧ и́/юдѣжъ съвираꙗчи*, или **въсѧ июдѣя съвираꙗчи*, содержит в первом колоне (*въсѧ июдѣя*) шесть слогов, а не восемь, как того требует греческая метрическая модель. Однако именно в этом колоне византийские проимии на подобен ἡ Парθένος στήμερον (*Дѣва днесъ*) допускают уменьшение количества слогов на один (GM II 46, п. 3) (см. выше комментарии к метрической схеме греческого проимия). Благодаря этому несоответствие между славянским переводом и византийской метрической схемой становится менее ощутимым: перевод отступает от допустимых в данной позиции моделей уже не на два слога, а на один. Таким образом, уменьшение количества слогов в переводе наблюдается именно в том месте, где сами византийские образцы допускали более краткий по сравнению с образцовой метрической схемой колон, причём уменьшение происходило именно на один слог, как и в славянском переводе.

Пословный перевод фразы *ёдинъ во ѹюда сего принесе* содержит одно отступление от грамматической формы греческого текста: *prae-sens historicum* прοσβάγει передан аористом *принесе*. Это позволило не только устраниТЬ риторическую фигуру и тем самым стилистически упростить текст, но и сохранить требуемое оригиналом количество слогов и расположение «внутренней паузы», или цезуры, — 8+5. В буквально передающем оригинал и состоящем из одного колона предпоследнем стихе *на во ради ёависѧ*, или **насть во ради ѿвисѧ* (*δι' ἡμᾶς γὰρ ἀνεδείχθη*) содержится, как и в греческом тексте, восемь слогов.

Количество слогов в архетипе рефрена зависит от морфемного состава прилагательного, которым переводится греческое несогласованное определение *тοῦ πρὸ αἰώνων*: *вѣчныи*, как в *ДМ*, или *прѣ-вѣчныи*, как в *П72*, в икосе и в древнерусской версии. Морфологически точнее передаёт оригинал форма *прѣвѣчныи*, в которой приставка *прѣ-* соответствует предлогу *πρό*. Из-за такой точности, однако, количество слогов в переводе не на один, а уже на два слога превышает греческий оригинал славянского перевода. Напротив, отступление от морфемной структуры оригинала позволяет приблизиться к его метру, правда, за счёт смещения цезуры на два слога вправо: **значение велико | вѣчнаго христа*; количество слогов в переводе — 13 (7+6), в греческом тексте — 12 (5+7). Различие между количеством слогов в греческом и славянском текстах рефрена становится менее ощутимым, если учесть, что и в этом случае византийские проими на подобен *ή παρθένος σῆμερον* (*Дѣва днесъ*) допускают варьирование метра на один слог. Второй колон в рефrenaх проимиев на подобен *ή παρθένος σῆμερον* (*Дѣва днесъ*) *«varie beaucoup après Romanos. On le rencontre très souvent sous la forme u-u -uu (φωτὸς πληρούμενος [шесть слогов, то есть на один слог меньше, чем того требует модель; славянский перевод также отличается от модели на один слог, но в сторону увеличения. — Р. К.]) ou u-uu -uu (Τυνάτιε πάνσοφε»*) (GM II 46, п. 6).

На количество слогов в рефрене влияет именной или членный облик прилагательного *велико*, однако первичность засвидетельствованной в источниках именной формы не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует также древнерусская служебная миная на май *Соф203*, проимий которой содержит соответствующую среднеболгарской версии именную форму *велико* (л. 99)³¹. Правда, в остальном рефрен в *Соф203* выглядит иначе: [...] *значение велико и страшное* : — /. Чтение «*страшное*» выступает в членной, а не в именной, форме. Различие между формами прилагательных *велико* и *страшное* в тожде-

31. Это разночтение было отмечено: Keller 1977: 118.

ственной синтаксической позиции объясняется в данном случае историей текста, а не языка. Чтение «*(и) страшнон*» отражает лексический вариант в рефренае (*σῆμεῖον μέγα τὸ πρὸ αἰώνων*) фриктόν ‘(знамение великое, превечное,) страшное’, засвидетельствованный в одном из источников кондака равноап. Елене (Струт. Е. β IV; см.: Gassisi 1913: 15); ср. (*σῆμεῖον μέγα τοῦ πρὸ αἰώνων*) Θεοῦ / Христоū в двух других источниках. Однако ни один из известных византийских источников не содержит вариант рефrena, который в точности соответствовал бы версии Соф203. Буквальный перевод славянского *значение велико и страшнон* :: — на греческий даёт текст, невозможный по метрическим соображениям: ***σῆμεῖον μέγα καὶ* фриктόν (стих оказывается короче метрической модели на целых четыре слога). Очевидно, что второй колон славянской версии рефrena в Соф203 был испорчен из-за утраты соответствия греческому *τὸ πρὸ αἰώνων* ‘превечное’.³²

Тем не менее чтение *страшнон*, объясняемое только из истории греческого оригинала и имеющее параллель в критическом аппарате кциальному гимнографическому циклу свв. Константину и Елене, достаточно для важного вывода: кроме древнеболгарской парафразической метрической версии и пословной древнерусской студийско-алексиевской существовала ещё одна версия пословного перевода, засвидетельствованная пока только одним источником, Соф203. Эта версия во всём совпадала с древнерусской студийско-алексиевской версией, за исключением лексических разнотений в рефренае: др.-р. *великое превечунныи вогъ* — версия Соф203 *велико и* (**πρέκαδε νέκτη*) *страшнон*. Синонимы *великое* — *велико* восходят к одному греческому оригиналу и поэтому могли возникнуть на славянской почве независимо от греческого текста. Однако чтение *и страшнон* отражает особый греческий оригинал. Благодаря этому устанавливается наличие ещё одной славянской версии кондака равноап. Елене, которая отличается и от архетипа среднеболгарской версии, и от древнерусской редакции.

32. Вариант рефrena *τὸ πρὸ αἰώνων* фриктόν (ср. *τοῦ πρὸ αἰώνων* Θεοῦ) отражает контаминацию двух тематически и даже фразеологически схожих текстов: кондака св. Константину и кондака равноап. Елене. Оба текста критически изданы в составе гимнографического цикла свв. Константину и Елене (Gassisi 1913: 14–15). Контаминация тематически близких текстов понятна, более того, единственный известный икос кондака равноап. Елене может даже входить в состав кондака св. Константину. Об этом свидетельствует опубликованный архим. Амфилохием византийский Кондакарь из собрания Синодальной библиотеки, в издании которого механически объединены два разных текста разным святым (издатель, архим. Амфилохий, не распознал два разных текста и опубликовал отличия одного от другого в качестве вариантов, а не в составе самостоятельного текста; см. АК I 118).

Возвращаясь к метрической реконструкции архетипа среднеболгарской версии проимия приходим к выводу, что, за единственным исключением (параллель *сѫщаго* — Христоў), отступления от греческого оригинала в переводе мотивированы стремлением передать изосиллабическую метрическую структуру оригинала, от которой славянский перевод отстает только в двух случаях. В обоих случаях, однако, сами византийские проимии на подобен ḥ παρθένος σῆμερον (*Дѣва днесъ*) допускают варьирование количества слогов в тех же пределах, что и славянский перевод. Это означает, что славянский переводчик не столько воспроизвёдил изосиллабическую структуру своего непосредственного оригинала, сколько активно владел самой метрической, точнее, изосиллабической моделью проимия на подобен ḥ παρθένος σῆμερον (*Дѣва днесъ*) и опытом её применения и варьирования в византийской кондакарной поэзии.

Далее предлагается реконструкция архетипа среднеболгарской версии проимия кондака равноап. Елене; цифры справа от стихов обозначают количество слогов в славянских и греческих колонах.

*Елена, же ^{ткжни}	(и?) ръвъно ^{гжжи}	сѫщаго,	16/15 (7+9/8), греч. 15 (7+8)
прѣславънаго кръста	значеніе та ^{квлянетъ} ,		15 (7+8), греч. 15 (7+8)
въса иуда ^м	съ ^в ѣрижа ^{ши} ,		11 (6+5), греч. 13/12 (8/7+5)
единъ оубо иуда	сего принесе,		13 (8+5), греч. 13 (8+5)
насть во ради та ^{киса}			8, греч. 8
значеніе велико	въ ^к у ^н аго хъста.		13 (7+6), греч. 10/11/12(5/4+7/6)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1) Содержание «древних церковнославянских стихотворений» и атрибуция парафразического перевода рождественского канона Константину Преславскому позволяют судить, что основанная на упрощённом византийском двенадцатисложнике изосиллабическая церковнославянская поэзия является частью древнейшей литературной традиции, связанной с именами учеников Кирилла и Мефодия. Древнеболгарский параграфический канон Рождеству Христову Константина Преславского и древнеболгарские же гимнографические подражания (каноны Богоявлению и Пятидесятнице), построенные по тем же метрическим правилам, позволяют судить о существовании древнеболгарской поэтической школы параграфического стихотворного силлабического гимнографического перевода и традиции поэтического подражания. Объём произведений, созданных этой школой, подлежит уточнению. Параграф и подражание в канонах Рождеству Христову, Богоявлению и Пятидесятнице, при которых воспроиз-

водится метрика византийских образцов, находится в русле той же литературной традиции, в которой были созданы «древние церковнославянские стихотворения»: Азбучная молитва «Аз словом сим...», Похвала царю Симеону в редакции Изборника 1073 г. и, возможно, «Проглас» к Евангелию. В более позднюю эпоху, т. е. после правления царя Самуила, такие тексты не создавались. Метризованный архетип среднеболгарской версии проимия кондака равноап. Елене создан с соблюдением тех же стилистических принципов синтаксической и содержательной парофразы; следовательно, на основании стилистических и историко-литературных данных он также датируется раннедревнеболгарским, или симеоновским, периодом конца девятого — начала десятого веков.

2) Рукопись *Соф203* содержит испорченную в рефрене версию неметризованного пословного перевода кондака равноап. Елене, которая отличается от древнерусской студийско-алексиевской версии и восходит к особому греческому оригиналу. Служебная Минея на май *Соф203* датируется двенадцатым веком, следовательно, архетип представленной в ней версии кондака должен быть датирован более ранним периодом. Известно, что редактирование богослужебных книг проводилось на Руси в одиннадцатом веке в связи с введением Студийско-Алексиевского Устава. Однако архетип кондака равноап. Елене в версии *Соф203* не соответствует в точности древнерусской студийско-алексиевской редакции и отражает влияние другого греческого оригинала. Следовательно, архетип версии *Соф203* был создан до появления древнерусской студийско-алексиевской редакции. Поскольку метризованная парофрастическая версия датируется концом девятого — началом десятого веков, а древнерусская студийско-алексиевская редакция возникла в середине одиннадцатого века, то архетип версии *Соф203* появился в десятом столетии. Это означает, что замещение парофрастических метризованных переводов пословными происходило в древнеболгарскую эпоху.

3) Силлабический гимнографический перевод, парофрастический или пословный, представляет собой туниковую ветвь в истории славянского стиха. Метрический перевод в ранней церковнославянской гимнографии — реликтовая традиция, восходящая к раннедревнеболгарской эпохе. Такие переводы сохранялись или даже создавались и позднее, в том числе в древнерусской студийско-алексиевской традиции, но лишь в том случае, если они были пословнымы, а не парофрастическими (кондак Рождеству Христову, одна из стихир свв. Борису и Глебу), или если их греческий оригинал отсутствует

(например, «Азбучные молитвы» и «Похвала царю Симеону») или был рано утрачен (канон Кириллу Философу³³).

4) При редактировании текста по греческим оригиналам на Руси метрика оригинала могла сохраняться: древнерусские редакторы были осведомлены об особенностях метрической организации византийской гимнографии и обладали достаточной квалификацией для того, чтобы соотносить принципы изосиллабизма и пословного морфологически точного перевода, жертвуя при необходимости первым в пользу второго.

5) Вытеснение парафразических изосиллабических переводов и обобщение практики нестихотворного пословного перевода в славянской гимнографии сопровождается становлением у восточных славян византийской по происхождению музыкальной традиции, основанной на палеовизантийской нотации. Едва ли, однако, музыкальное исполнение богослужебных гимнов в славянском богослужении и само развитие славянской церковной музыки является причиной утраты традиции стихотворного перевода: как метризованные, так и нестихотворные гимнографические тексты могли исполняться по известным музыкальным образцам византийского происхождения. Вытеснение парафразических переводов имеет причины литературно-языкового свойства и является результатом обобщения принципа пословного перевода, который в целом определяет облик славянской и вообще средневековой переводной литературы религиозного содержания. Музыкальное исполнение церковнославянских гимнов является не более, чем внеязыковой компенсацией утраченных на славянской почве поэтических особенностей текста, но никак не причиной целенаправленного замещения парафразических стихотворных переводов пословными «прозаическими».

6) Южнославянские гимнографические рукописи представляют собой ценный материал для сравнительно-исторической реконструкции древнеболгарского архетипа, однако значимость их «свидетельских показаний» для понимания древней традиции нельзя пере-

33. Существование рукописной традиции греческого оригинала этого канона проблематично; неясно, каким образом был растиражирован этот текст и входил ли он когда-нибудь в состав византийских служебных Миней. Отсутствие традиции и вообще всяких сохранившихся греческих свидетелей текста — общая особенность византийской гимнографии славянским святым, которая представлена только в славянских переводах. Кроме канона Кириллу Философу, к этому кругу относятся служба Борису и Глебу (Keller 1973; Крысько 2008) и канон Георгия Склисицы при. Иоанну Рыльскому (Ангелов 1957; Angelov 1969; Добрев 2002), утраченные греческие тексты которых в разной степени поддаются реконструкции благодаря славянским переводам.

оценивать. Разрыв в традиции славянского богослужения, очевидно, имевший место в Болгарии в эпоху византийской оккупации после 1018 года, привёл к существенным утратам и порчам в традиции гимнографических текстов. Длительное время в них не было практической богослужебной необходимости и, как следует из приведённых выше примеров, гимнографические тексты восстанавливались и редактировались до начала афонско-тырновской реформы без опоры на оригинал (возможно, это имело место ещё в правление Асенидов в тринадцатом веке, после восстановления болгарской государственности, славянского богослужения и патриаршества до опустошительного монголо-татарского нашествия). Как правило, редактирование представляло собой попытку более или менее связного переложения испорченных текстов. «Исправленные» таким образом гимны требуют реконструкции и сопоставления с византийскими и древнерусскими источниками, что позволяет отделить поздние и вольные переосмысления, вызванные недостатком филологической культуры славянских книжников «дотырновской» эпохи, от истинных свидетельств «золотого века» древнеболгарской литературы.

7) Одним из этих свидетельств является отмеченное в двух проимиях деление кондака на «большие строки» и на колоны. Если в Рождественском кондаке членение на колоны в оригинале и в переводе не совпадает, тогда как абсолютное соответствие имеется только на уровне длинных строк, то создатели архаических версий проимиев Елене и Богоявлению, напротив, следовали делению кондакарного стиха на колоны. Строго говоря, деление перевода на колоны не свидетельствует о том, что переводчики имели представление о сложной структуре кондакарного стиха. Достоверно можно сказать лишь то, что славянские переводчики умели вычленять минимальные метрические фрагменты и могли при этом не знать, что, кроме «коротких строк», колонов, существуют строки «длинные». Напротив, переводчик рождественского кондака, который ориентировался на метрику более крупных стиховых единиц, чем колон, определённо понимал структуру кондакарного стиха. Этому могут быть два объяснения. Деление кондака на стихи и колоны могло быть обусловлено музыкальным ритмом. Данное объяснение, однако, является абсолютно спекулятивным на фоне полного отсутствия источников о музыкальном исполнении кондака на периферии византийского культурного ареала, т. е. в Болгарии, в конце девятого — первой половине десятого века. Наиболее простое объяснение соответствий между византийской и славянской метрикой состоит в том, что некоторые древнеболгарские переводчики эпохи «золотого века» обладали не просто начитанностью в византийских текстах, о чём можно судить по устранению могущих оказаться непонятными для славянской аудитории

историко-агиографических аллюзий, но имели необходимое риторическое образование, которое позволяло им воспроизводить изосиллабическую стихотворную структуру византийского кондака на уровне «больших» и «малых» строк. Учитывая скромные художественные достоинства греческого оригинала, реконструированный славянский перевод греческого кондака равноап. Елене является не шедевром, но, что не менее интересно, экспериментом в области древнеболгарской учёной поэзии.

8) Среди привлечённых для данного исследования южнославянских источников выделяются две группы, объединённые общими чтениями, как это следует из критического аппарата и комментариев к кондакам Рождеству Христову и Богоявлению. К первой группе относятся праздничные Минеи *Ск*, *Хл166*, *НБКМ895*, чьи свидетельства, в том числе индивидуальные чтения, имеют наибольшую важность для реконструкции наиболее раннего древнеболгарского архетипа. Вторую группу образуют праздничные Минеи *ДМ* и *Хил608*, которые несут следы редактирования по греческому оригиналу более ранней версии, засвидетельствованной *Ск*, *Хл166*, *НБКМ895*. Древнерусская версия кондаков, представленная студийско-алексиевскими служебными Минеями и Кондакарями, восходит к тому тексту или редакции текста, который содержится во второй группе южнославянских источников, т. е. в полных Минеях *ДМ* и *Хил608*.

9) Более сложно обстоит дело с кондаком равноап. Елене, полный пословный перевод которого известен автору этих строк пока только в древнерусской версии. На существование ещё одной, пословной, версии указывает, однако, версия *Соф203*, которая ничем не отличается от основной древнерусской версии, кроме одного разноточия во втором колоне рефрена, которое, однако же, указывает на особый, отразившийся только в этой рукописи греческий оригинал. Его наличие указывает на то, что пословная версия кондака св. Елене появилась раньше древнерусской студийско-алексиевской версии в эпоху Первого Болгарского царства. Это означает, что отбор и редактирование древнеболгарского гимнографического материала для студийско-алексиевского корпуса проводились на Руси с учётом синтаксических и поэтико-стилистических особенностей переводов, выполненных в Болгарии в течение десятого века.

10) Сохранение византийского изосиллабизма в славянских кондаках засвидетельствовано только во вступительных строфах, промициях. Использование разных приёмов перевода в проимие и в икосах (последние в данной статье не рассматривались), которые, соответственно, сохраняют или не сохраняют изосиллабизм оригинала, свидетельствует о текстологическом шве между вступительной и прочими строфами славянских кондаков.

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ БИБЛИОТЕК, АРХИВОВ
И РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ³⁴

- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
- Григ — Собрание рукописей В. И. Григоровича (ОГНБ, Одесса, и РГБ, Москва)
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)
- Зогр — Собрание рукописей монастыря Зограф (монастырь Зограф, Афон)
- НБКМ — Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий» (София)
- ОГНБ (ОДНБ) — Одесская государственная научная библиотека (Одеська державна наукова ббліотека) (Одесса)
- ОИДР — Собрание рукописей Общества исследователей Древней Руси (РГБ, Москва)
- Пог — Собрание рукописей М. П. Погодина (РНБ, Санкт-Петербург)
- РГБ — Российская Государственная библиотека (Москва)
- РНБ — Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Москва)
- Син — Собрание рукописей Синодальной библиотеки (ГИМ, Москва)
- ТСЛ — Собрание рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры (РГБ, Москва) (<http://stsl.ru/manuscripts/index.php>)
- Усп — Собрание рукописей Успенского собора Московского Кремля (ГИМ, Москва)
- Хил — Собрание рукописей монастыря Хиландарь (монастырь Хиландарь, Афон)
- Хлуд — Собрание рукописей А. И. Хлудова (ГИМ, Москва)

Conspectus siglorum.

ДМ Зогр. 54, «Драганова Минея», праздничная Минея на весь год (среднеболгарский извод), конец XIII или XIV³⁵ в. (Райков *et al.* 1994: 52, № 54; Турилов, Мошкова 1999: 136–137, № 333; там же см. шифры двух других фрагментов рукописи).

НБКМ895 НБКМ 895, служебная Минея на сентябрьскую половину года (древнесербский извод), начало XIV в. (Стоянов, Кодов 1964: 65, № 895).

Пт72 РНБ, Основное собрание, F п I 72, праздничная Минея на весь год (среднеболгарский извод), XIII–XIV вв. (Каталог 2009: 63–65).

34. Список литературы, включая изданные славянские и греческие источники, см. в первой части статьи.

35. XIV в. — альтернативная и более возможная датировка, предложенная А. А. Туриловым в личной консультации.

Ск НБКМ 522, «Скопльская Минея», праздничная Минея со службами на сентябрь — май (среднеболгарский извод), XIII в. (Цонев 1923: 52–53, № 522; Христова *et al.* 1982: 31, № 37).

Соф203 РНБ, Соф. 203, служебная Минея на май (древнерусский древневновгородский извод), XII в. (Каталог 1984: 126, № 90).

Хил608 Хил. 608, служебная Минея на декабрь (древнесербский рашский извод), начало XIV в. (Богдановић, Медаковић 1978: 214, № 608³⁶; Турилов, Мошкова 1999: 155, № 379).

Хл166 ГИМ, Хлуд. 166, праздничная Минея на весь год (древнесербский извод), XIV в. (Поповъ 1872: 348, № 166).

Словари, указатели и базы данных, дополнение к библиографии.

СДРЯ I–VIII: *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, т. I–VIII–, Москва, Наука, Азбуковник, 1985–2008–.

СлРЯ XI–XVII вв. 1–28: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–29–, Москва, Наука, 1975–2011–.

ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков*, тт. 1–37–, Москва, 1974–2011–.

Follieri H., I–V(1/2), *Initia hymnorum Ecclesiae graecae*, vol. I–V (1/2), Città del Vaticano, 1960–1966 (Studi e testi, 211–215 bis).

Miklosich F., 1862–1865, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum : emendatum auctum*, Wien (Neudruck der Ausgabe: Wien, 1862–1865, Aalen, Scientia Verlag, 1963).

SJS I–IV: *Slovník jazyka staroslověnského*, t. I–IV, Praha, Nakladatelství Českoslověnské akademie věd, 1966–1997 (репринт: Санкт-Петербург, 2006).

TLG: *Thesaurus linguae graecae*, <http://www.tlg.uci.edu/>.

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б., 2006, *Прилагательные*, Москва, Азбуковник (Историческая грамматика древнерусского языка, т. III).

36. В каталоге (Богдановић, Медаковић 1978: 214, № 608) рукопись датирована XIII в. В статье принятая более поздняя датировка (Турилов, Мошкова 1999: 155, № 379, литература).